

ГЕНРИХ ФОН КЛЕРИСТ
ДРАМЫ • НОВЕЛЛЫ

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЧИЛИ

Перевод с немецкого: Г. Рачинский.

В Сантьяго, столице королевства Чили, в самый момент начала страшного землетрясения 1647 года, при котором погибло много тысяч людей, молодой испанец, по имени Херонимо Ругера, стоял у столба в камере тюрьмы, куда он был заключен за совершенное им преступление, и собирался повеситься. Дон Энрико Астерон, один из богатейших дворян города, приблизительно за год перед этим удалил его из своего дома, где он исполнял обязанности учителя, за то, что тот вступил в любовные отношения с донной Хосефой, его единственной дочерью. Тайная переписка, попавшая в руки старого дона благодаря коварной бдительности его надменного сына, — после того как отец сделал строгое предостережение дочери, — возбудила в последнем такое негодование, что он заключил дочь в кармелитский монастырь Пресвятой девы, что на горе. Благодаря счастливой случайности Херонимо удалось здесь возобновить свои встречи с возлюбленной, и однажды в глухую ночь монастырский сад сделался местом его совершенного счастья. Как раз в день праздника тела Христова, когда началось торжественное шествие монахинь, за которыми следовали послушницы, несчастная Хосефа под звон колоколов упала в родильных муках на ступеньки собора. Это событие вызвало много шума; юную грешницу, невзирая на ее состояние, тотчас заключили в тюрьму, и едва она встала после родов, как, по приказанию архиепископа, ее предали строжайшему суду. В городе с таким ожесточением заговорили об этом скандале, а злые языки с такой яростью напали на самый монастырь, где он произошел, что ни заступничество семьи Астерон, ни желание самой игуменьи, полюбившей молодую девушку за ее безупречное во всем остальном поведение, не могли смягчить строгости наказания, которым ей угрожал церковный закон. Удалось добиться лишь одного, — что смерть на костре, к которой ее присудили, была, к великому негодованию матрон и девиц Сантьяго, по приказу вице-короля^[1] заменена отсечением головы. На улицах, по которым должны были провести на казнь преступницу, сдавали внаймы окна, сносили крыши с домов, а благочестивые дочери города трогательно приглашали своих подруг присутствовать рядом с ними на зрелище, которое давалось в угоду мстительному божеству. Херонимо, которого тем временем тоже засадили в темницу, едва не лишился рассудка, когда узнал, какой страшный оборот приняло это дело. Напрасно старался он изыскать какой-либо путь к спасению; куда бы он ни уносился на крыльях дерзновенной мечты, он натыкался на запоры и стены, а его попытка перепилить оконную решетку повлекла за собою, когда была обнаружена, еще более строгое заключение. Он бросился на колени перед иконою божьей матери и обратился к ней с пламенной молитвой, как единственной заступнице, от которой он мог еще ждать спасения. Но роковой день настал, и вместе с ним в его сердце вселилась уверенность в полной безнадежности его положения. Раздался колокольный звон, сопровождавший Хосефу на ее пути к месту казни, и отчаяние овладело его душой. Жизнь стала для него ненавистной, и он решил покончить с собою при помощи веревки, сохранившейся у него благодаря случайности. И вот, как выше было сказано, он уже стоял у столба и прикреплял к железной скобе, вправленной в карниз, веревку, которая должна была вырвать его из этой юдоли плача, как вдруг с ужасным грохотом, словно обрушился небесный свод, провалилась большая часть города, похоронив под своими обломками все, что было там живого. Херонимо Ругера окаменел от ужаса и, словно сознание его было разбито вдребезги, ухватился, чтобы не упасть, за тот самый столб, у которого искал смерти. Пол заколебался под его ногами, стены тюрьмы треснули, все здание накренилось, готовое рухнуть, и только здание на другой стороне улицы, которое, падая, случайно образовало свод с тюремным, задержало полное разрушение последнего. У Херонимо волосы встали дыбом и колени подкашивались; весь

дрожа, он соскользнул по наклонной плоскости пола к отверстию, образовавшемуся в передней стене тюрьмы от столкновения обоих зданий. Но едва он оказался под открытым небом, как от вторичного подземного толчка вся остальная часть уже полуразрушенной улицы окончательно рухнула. Не отдавая себе отчета, каким образом может он спастись среди всеобщей гибели, он поспешно стал пробираться среди дымящихся развалин к ближайшим городским воротам, в то время как смерть грозила ему со всех сторон. Вот обрушился поблизости дом, далеко разбрасывая вокруг себя обломки, и загнал его в соседний переулок; здесь огненные языки, сверкая сквозь клубы дыма и вырываясь из крыш соседних домов, теснили его, объятых страхом, в другую улицу; там выступившая из берегов река Мапохо катила на него волны и с ревом гнала в третью улицу. Здесь лежала груда тел убитых, тут раздавались из-под развалин стоны, там люди испускали крики с объятых пламенем крыш, здесь люди и животные боролись с волнами, там мужественный человек старался помочь и спасти, тут стоял другой, бледный как смерть, неподвижно, безмолвно простирая дрожащие руки к небу. Достигнув ворот и взобравшись на холм, расположенный за ними, Херонимо упал, потеряв сознание.

Пролежав в глубоком обмороке с четверть часа, он наконец очнулся и наполовину приподнялся с земли, спиной к городу. Он ощупал голову и грудь, еще не зная, в каком он состоянии, и его охватило невыразимое блаженство, когда подувший с моря западный ветер вдохнул в него новую жизнь, а глаза его, озираясь кругом, увидели цветущие окрестности Сантьяго. Только рассеянные толпы людей, которые были видны повсюду, смущали его сердце; он сразу не мог понять, что привело его и их на это место, и, лишь когда он обернулся и увидел позади себя провалившийся город, припомнилось ему пережитое им страшное мгновение. Он склонился так низко, что коснулся головою земли, благодаря бога за свое избавление; и тотчас, словно то единственное ужасное воспоминание, которое запечатлелось в его сознании, вытеснило все остальные, он заплакал от радостного чувства, что может наслаждаться пестрыми явлениями жизни, снова ставшей для него драгоценной. Но вот, заметив на своей руке кольцо, он вдруг вспомнил о Хосефе, и тут же в памяти его воскресли и тюрьма, и звон колоколов, который он там услышал, и мгновенье, предшествовавшее разрушению. Глубокое уныние охватило его душу; он стал раскаиваться в своей молитве, и страшным показалось ему то существо, которое царит над облаками. Он смешался с толпой людей, выбегавших из ворот и занятых спасением своего имущества, и отважился робко спросить о дочери Астерона и о том, успели ли ее казнить; однако никто не мог дать ему обстоятельного ответа. Какая-то женщина, тащившая на спине, почти пригнувшись к земле, огромный груз всякой рухляди, а у груди двух маленьких детей, отвечала ему мимоходом, словно она сама при этом присутствовала, что Хосефу обезглавили. Херонимо пошел назад и, так как по расчету времени он сам не мог сомневаться в том, что казнь успели совершить, то, уединившись в тихой роще, всецело отдался своему горю. Он желал, чтобы грозные силы природы снова обрушились на него. Ему казалось непонятным, почему как раз в те минуты, когда спасительница-смерть, которой искала горестная его душа, сама шла ему навстречу, он бежал ее. Он твердо решил на этот раз не отступать, хотя бы окружавшие его дубы были вырваны с корнем и их вершины рухнули на него. Затем, выплавав свое горе, он поднялся и так как среди горючих слез в душе его снова возродилась надежда, начал обходить местность во всех направлениях. Он подымался на каждый холм, где собирались кучки людей; он бродил по всем дорогам, по которым еще двигался поток беглецов; где бы он ни увидел развевающееся на ветру женское платье, он устремлялся туда дрожащей поступью; однако ни одно из них не облекало члены любимой им дочери Астерона.

Солнце склонялось к закату, и с ним вместе исчезала его надежда; но вот он подошел к краю скалы, и перед ним открылся вид на широкую долину, в которую забрело лишь немного людей. В нерешительности, что ему предпринять, он окинул взором отдельные группы их и хотел уже повернуть обратно, как вдруг увидел у источника, орошавшего ущелье, молодую женщину, купавшую ребенка в его чистых водах. Сердце его забилося при этом зрелище;

исполненный предчувствия, с криком: «Матерь божья, о благодатная!» — он большими прыжками стал спускаться по камням и тут узнал Хосефу, робко оглянувшуюся на шум. С каким восторгом обнялись несчастные, которых спасло лишь чудо, ниспосланное небом!

Хосефа на своем смертном пути уже совсем приблизилась к лобному месту, когда грохот разрушавшихся зданий разогнал все шествие, направлявшееся к месту казни. В ужасе бросилась она прямо к ближайшим воротам; однако скоро опомнилась и, повернув назад, поспешила в монастырь, где оставался ее маленький, беспомощный мальчик. Она нашла весь монастырь уже объятым пламенем, и игуменья, которая в те мгновения, кои должны были стать последними в жизни Хосефы, обещала ей позаботиться о младенце, стояла у ворот монастыря и звала на помощь, чтобы его спасти. Хосефа неустрашимо бросилась сквозь дым, валивший ей навстречу, в рушившееся со всех сторон здание и, словно под защитой всех небесных ангелов, вышла снова целая и невредимая из дверей монастыря с ребенком на руках. Она хотела броситься в объятия игуменьи, возложившей ей на голову благословляющие руки, но в это мгновение игуменья и почти все монахини нашли плачевный конец под обрушившейся на них кровлей. Хосефа при этом ужасном зрелище отпрянула назад; поспешно закрыв игуменью глаза, она бросилась бежать, объятая страхом, спасая своего дорогого мальчика, которого небо вновь ей даровало. Не успела она пройти и нескольких шагов, как навстречу ей пронесли изувеченное тело архиепископа, которое только что извлекли из-под развалин собора. Дворец вице-короля провалился, здание суда, где ей вынесли приговор, было объято пламенем, а на месте, где прежде стоял дом ее отца, образовалось кипящее озеро; над которым клубились красноватые пары. Хосефа собрала все свои силы, чтобы удержаться на ногах. Отважно шагала она из улицы в улицу со своей добычей, подавив в сердце печаль, и уже приближалась к городским воротам, когда ей бросилась в глаза обращенная в груды развалин тюрьма, в которой томился Херонимо. При виде ее она зашаталась и едва не упала в обморок на углу улицы, но в ту же минуту внезапный испуг от падения позади нее полуразрушенного многими толчками здания придал ей новые силы и погнал ее вперед. Она поцеловала ребенка, осушила слезы и, не обращая больше внимания на окружавшие ее ужасы, благополучно достигла ворот. Оказавшись под открытым небом, она скоро пришла к заключению, что не все те, кто находился в рухнувших зданиях, непременно должны были погибнуть под их развалинами. Она остановилась на ближайшем перекрестке и стала поджидать, не появится ли тот, кто после маленького Филиппа был для нее дороже всего на свете. Но так как он не появлялся, а толпы беглецов все нарастали, она отправилась дальше, не раз останавливаясь в ожидании и оглядываясь назад; под конец, проливая обильные слезы, она уныло побрела в темную, осененную пиниями долину, дабы помолиться о его душе, отлетевшей, как она предполагала, в иной мир; и здесь-то, в этой долине, обрела его, возлюбленного, и блаженство, словно то была долина Эдема. Все это она, глубоко растроганная, передала Херонимо и, закончив свой рассказ, протянула ему для поцелуя ребенка.

Херонимо взял его на руки и стал нянчить с несказанной отеческой радостью, а когда ребенок, при виде чужого лица, заплакал, он закрыл ему рот бесчисленными поцелуями. Тем временем спустилась чудная ночь, полная дивных, нежных благоуханий, такая серебристая и тихая, какая могла бы пригрезиться только поэту. Повсюду вдоль ручья, орошавшего долину, в блеске лунного сиянья расположились люди и готовили себе мягкие ложа из мха и листьев, чтобы отдохнуть после столь мучительного дня. И так как несчастные горько сетовали, — один, оплакивая утрату дома, другой — жены и ребенка, третий — потерю всего, — то Херонимо и Хосефа потихоньку удалились в более густую заросль, дабы не оскорбить кого-либо тайным ликованием, наполнявшим их сердца. Они нашли великолепное гранатное дерево, широко раскинувшее свои ветви, увешанные душистыми плодами, на вершине которого сладострастно заливался соловей. Здесь, у самого ствола, опустился Херонимо, в его объятиях покоилась Хосефа, держа на руках Филиппа; так отдыхали они, закутавшись его плащом.

Тень дерева с ее изменчивыми бликами уже сошла с них, и лунный свет поблек с появлением утренней зари, прежде чем они заснули. Ведь у них были неисчерпаемые темы для разговоров — и о монастырском саде, и о темницах, в которых они были заключены, и о том, что они выстрадали друг за друга; и их очень трогало, когда они думали, сколько горя должно было излиться над миром для того, чтобы они были счастливы. Они решили тотчас же, как прекратится землетрясение, отправиться в Ля-Консепсьон[2], где проживала близкая подруга Хосефы, и, заняв у нее, как они рассчитывали, немного денег, сесть на корабль и переехать в Испанию, где проживали родственники Херонимо с материнской стороны; там они предполагали счастливо закончить свои дни. Затем, среди бесчисленных поцелуев, они заснули.

При их пробуждении солнце стояло уже высоко в небе; они увидели неподалеку от себя несколько семейств, занятых у костра приготовлением небольшого завтрака. Херонимо стал раздумывать о том, как бы ему достать пищи для своих, когда к Хосефе подошел молодой, хорошо одетый человек с ребенком на руках и скромно спросил ее, не покормит ли она грудью бедного малыша, мать которого лежит, раненная, там, под деревом. Хосефа несколько смутилась, узнав в нем знакомого; но когда, неправильно истолковав ее смущение, он добавил:

— Всего несколько минут, донна Хосефа, — ребенок с самого того мгновенья, которое всех нас повергло в несчастье, ничего не ел, — она сказала:

— Я не ответила вам, дон Фернандо, по другой причине; в эти ужасные времена каждый, не отказываясь, должен делиться всем, что у него есть, — с этими словами она передала своего ребенка отцу, а чужого взяла на руки и поднесла к своей груди.

Дон Фернандо был чрезвычайно благодарен и предложил ей присоединиться к обществу, собравшемуся у костра, где как раз готовился небольшой завтрак. Хосефа отвечала, что весьма охотно принимает это предложение и, так как Херонимо не возражал, последовала за Фернандо к его семейству, где обе его свояченицы, которых она знала как весьма достойных молодых дам, приняли ее самым радушным и ласковым образом. Донна Эльвира, супруга дон Фернандо, получившая тяжкие ранения ног, лежала на земле; увидав своего изнуренного ребенка у груди Хосефы, она ласково привлекла ее к себе. Ее свекор, дон Педро, раненный в плечо, приветливо кивнул ей головою.

В душе у Хосефы и у Херонимо шевельнулось странное чувство. Замечая доброту и приветливость в обращении с ними, они в недоумении вспоминали столь недавнее прошлое, — и лобное место, и темницу, и звон колоколов, и им приходило в голову, не видели ли они все это во сне. Казалось, что страшный удар, который потряс души людей до основания, всех их умиротворил. Их воспоминания как-то не шли дальше этого мгновенья. Одна только донна Элисабета, которая была приглашена подругой на вчерашнее утреннее зрелище, но приглашения этого не приняла, по временам останавливала задумчивый взгляд на Хосефе; однако новое сообщение о каком-либо ужасающем несчастье всякий раз возвращало к действительности ее унесшуюся было душу. Рассказывали, как при первом же сильном подземном толчке город оказался полон женщин, которые на глазах у мужчин разрешались от бремени, как монахи бегали с крестом в руке и кричали, что настал конец света; как ответили страже, потребовавшей именем вице-короля, чтобы очистили церковь: что в Чили теперь уже нет никакого вице-короля! Как вице-король в самые ужасные мгновенья был вынужден отдать приказ поставить несколько виселиц, дабы положить конец распространившимся грабегам, и как один ни в чем не повинный человек, спасавшийся через черный ход горевшего дома, был схвачен второпях домовладельцем и тут же вздернут, как грабитель. Донна Эльвира, над поранениями которой хлопотала Хосефа, улучила минуту, когда разговор стал особенно оживленным, чтобы спросить, что с нею приключилось в этот ужасный день. Когда же Хосефа с сердечным волнением поведала ей в общих чертах свои приключения, то для нее было истинной отрадой увидеть, как глаза этой дамы наполнились слезами; донна Эльвира

схватила ее руку, пожала ее и сделала знак, чтобы она замолчала. Хосефе казалось, что она в раю. Чувство, которое она не могла в себе подавить, говорило ей, что минувший день, который принес столько бед всему свету, был такой милостью, какой небо еще ни разу не изливало на нее. И в самом деле, в эти ужасающие мгновенья, когда гибли все земные блага людей и всей природе грозило разрушение, дух человека, казалось, раскрывался, как дивный цветок. На полях, — всюду, куда только ни достигал взор, — лежали вперемежку люди всех званий и состояний: князья и нищие, знатные дамы и крестьянки, государственные чиновники и поденщики, монахи и монахини, и все жалели друг друга, помогали друг другу, с радостью делясь тем, что каждый из них спас от гибели для поддержания своего существования, словно общее несчастье слило в одну семью всех тех, кто его избежал. Вместо пустых разговоров за чайным столом, содержанием которых служили светские пересуды, теперь рассказывали о примерах великих деяний; люди, на которых дотоле мало обращали внимания в обществе, теперь проявили величие души, достойное древних римлян; приводились тысячи примеров бесстрашия, радостного презрения к опасности, самоотречения и дивного самопожертвования; случаи, когда многие, не колеблясь, жертвовали жизнью, словно самым ничтожным благом, которое можно тут же снова приобрести. В самом деле, так как не было человека, с кем бы не приключилось чего-нибудь умильного, или кто бы не совершил какого-нибудь великодушного поступка, то в груди каждого из присутствующих к горю примешано было столько улады, что трудно было сказать, не повысилась ли с одной стороны сумма общего благополучия настолько же, насколько она понизилась с другой стороны. Херонимо взял Хосефу под руку, после того как они молча поразмыслили на эту тему, и они с неизъяснимой радостью стали прогуливаться в тенистых кущах гранатовой рощи. Он сказал ей, что, принимая во внимание теперешнее настроение умов и полный переворот мыслей и отношений, он отказывается от своего намерения переселиться в Европу; что он отважится пасть к ногам вице-короля, если он остался, в живых, так как последний относился к нему благосклонно, и что он питает надежду (при этом он ее поцеловал) остаться с нею в Чили. Хосефа отвечала, что и ей эти мысли приходили в голову, что и она не сомневается в том, что ей удастся добиться примирения с отцом, если он остался жив, но что она советует вместо того, чтобы лично, пав к ногам вице-короля, испросить у него прощенье, отправиться в Ля-Консепсьон, откуда уже письменно хлопотать о помиловании: там ведь они на всякий случай будут поближе к гавани, а если дело примет желаемый оборот, смогут сразу же вернуться в Сантьяго. После краткого размышления Херонимо признал благоразумие этой меры; еще некоторое время прогуливались они по тропинкам, мысленно переносясь в радостное будущее, а затем присоединились к обществу.

Между тем миновал полдень, и, так как подземные толчки ослабели, бродившие повсюду беглецы несколько успокоились, когда распространилась молва, что в церкви доминиканского монастыря, единственной, которую пощадило землетрясение, сам настоятель монастыря будет служить торжественную мессу, моля небо отвратить от города дальнейшие беды. Отовсюду уже начал собираться народ и потоками устремился в город. В кружке донна Фернандо поднялся вопрос, не принять ли участие в этом торжестве, присоединившись к остальным богомольцам. Донна Элисабета с некоторым волнением напомнила, какое несчастье имело место накануне в этой церкви, добавив, что подобные благодарственные моления будут еще не раз повторяться, когда станет ясно, что опасность окончательно миновала и можно будет отдаться религиозному настроению с тем большей радостью и спокойствием. На это Хосефа, быстро поднявшись, с воодушевлением возразила, что никогда еще не ощущала такой сильной потребности повергнуться в прах перед создателем, как сейчас, когда он проявил свое высокое и непостижимое могущество. Донна Эльвира с живостью присоединилась к мнению Хосефы. Она настаивала на том, что надо идти к обедне, и предложила дону Фернандо повести все общество, после чего все, не исключая и донны Элисабеты, поднялись с мест. Однако, так как все заметили, что она лишь нерешительно и с вздымающейся от волнения грудью приступила к сборам в путь, а на вопрос, что с нею, ответила, что сама не знает, какое тягостное предчувствие ее гнетет, то

донна Эльвира постаралась ее успокоить, предложив ей остаться с нею и с ее больным отцом. Хосефа сказала:

— В таком случае, донна Элисабета, вы, верно, возьмете у меня моего маленького любимца, который, как видите, снова оказался у меня.

— Весьма охотно! — отвечала донна Элисабета и собралась взять мальчика на руки, но так как он, протестуя против подобной несправедливости, поднял жалобный крик и ни за что не хотел с этим согласиться, то Хосефа заявила с улыбкой, что она оставит его у себя, и успокоила поцелуями; После этого дон Фернандо, которому чрезвычайно нравилась ее достойная и привлекательная манера держать себя, предложил ей руку; Херонимо, державший на руках маленького Филиппа, повел донну Констанцу, а за ними следовали все остальные, присоединившиеся к их обществу, и в таком порядке шествие направилось в город. Но едва они отошли на пятьдесят шагов, как услышали, что донна Элисабета, тем временем с жаром о чем-то шептавшаяся с донной Эльвирой, закричала: «Дон Фернандо!» — и увидели, что она тревожными шагами спешит за ними. Дон Фернандо замедлил шаг и обернулся; он поджидал ее, не выпуская руки Хосефы, и, когда она на некотором расстоянии остановилась, словно ожидая, что он пойдет к ней навстречу, спросил, что ей нужно. Донна Элисабета приблизилась к нему, хотя и с видимым неудовольствием, и прошептала ему несколько слов на ухо, так, чтобы Хосефа не могла их слышать. Дон Фернандо спросил:

— Ну, а несчастье, которое может из этого произойти?

Донна Элисабета с расстроенным лицом продолжала шептать ему что-то на ухо. Дон Фернандо покраснел от досады; он отвечал:

— Ну ладно, пусть донна Эльвира не беспокоится, — и повел свою даму дальше.

Когда они прибыли в церковь доминиканского монастыря, в ней уже раздавались великолепные звуки органа и внутри кишела несметная толпа. Толпа теснилась и за порталом на площади перед церковью, а по стенам, держась за рамы икон, в нетерпеливом ожидании висели мальчики с шапками в руках. Яркий свет изливали все паникадила, столбы, подпиравшие своды, бросали в наступающих сумерках таинственную тень, роза из разноцветных стекол в глубине церковной апсиды[3] горела, как само заходящее солнце, освещавшее ее, и когда орган вдруг смолк, то воцарилась глубокая тишина, словно вся толпа затаила дыхание. Никогда еще ни одна христианская церковь не излучала к небу столько пламенного благочестия, как в этот день доминиканская церковь в Сантьяго, и ничье сердце не пылало жарче, чем сердца Херонимо и Хосефы! Торжество открылось проповедью, которую произнес с кафедры старейший каноник в праздничном облачении. Высоко подняв к небу дрожащие руки, с которых ниспадали складки его стихаря, он сразу начал с хвалы, прославления и благодарения за то, что в этой разрушающейся части света еще сохранились люди, способные обратиться к богу с молитвой, хотя бы коснеющим языком. Он изобразил то, что произошло по мановению всемогущего: Страшный суд не может быть ужаснее; когда же, указывая перстом на трещину в своде, он назвал вчерашнее землетрясение лишь предвестником этого суда, трепет пробежал по всему собранию. Затем, увлекаемый потоком духовного красноречия, он перешел к испорченности городских нравов; кара постигла город за мерзости, каких не видали в своих стенах Содом и Гоморра, и лишь безграничному божьему долготерпенью приписывал он то, что город не был окончательно сметен с лица земли. Но как кинжалом пронзило сердца наших двух несчастных, и без того потрясенных проповедью, когда каноник по этому поводу подробно остановился на преступление, совершенном в монастырском саду кармелитского монастыря; назвал безбожную ту снисходительность, с которой свет к нему отнесся, и, уклонившись в сторону, среди ужасных проклятий предал души виновников, которых он назвал по имени, всем князьям преисподней! Донна Констанца воскликнула, судорожно ухватившись за руку Херонимо: «Дон Фернандо!» Но тот отвечал настолько настойчиво и тихо, насколько это было возможно в одно и то же

время:

— Замолчите, донна, ни малейшего движения, даже глазом не моргните, но притворитесь, что вам сделалось дурно, и, мы тогда покинем церковь.

Однако, прежде чем успела донна Констанца выполнить эту благоразумно придуманную меру для их спасения, чей-то громкий голос, прервав проповедь каноника, воскликнул:

— Расступитесь, граждане Сантьяго, эти безбожники стоят здесь, среди нас!

И когда другой голос с ужасом, который передался стоявшим вокруг него, спросил: «Где?» — «Здесь!» — отвечал третий и в благочестивом исступлении с такой силой рванул за волосы Хосефу, что она упала бы вместе с сыном дона Фернандо, если бы этот последний ее не поддержал.

— С ума вы сошли! — воскликнул юноша, охватив рукою Хосефу. — Я дон Фернандо Ормес, сын городского коменданта, которого все вы знаете.

— Дон Фернандо Ормес? — воскликнул, став вплотную рядом с ним, башмачник, когда-то работавший на Хосефу и знавший ее так же хорошо, как и ее маленькие ножки, — Кто отец этого ребенка? — обратился он с наглым вызовом к дочери Астерона.

Дон Фернандо побледнел при этом вопросе; он то кидал робкие взоры на Херонимо, то оглядывал толпу, не найдется ли среди нее хоть один человек, который бы его знал. Угнетаемая ужасом Хосефа воскликнула:

— Это не мой сын, как вы думаете, мастер Педрильо! — и в несказанном страхе взглянула на дону Фернандо. — Этот молодой человек — дон Фернандо Ормес, сын городского коменданта, которого все вы знаете.

Башмачник спросил:

— Кто из вас, граждане, знает этого молодого человека?

И многие из стоявших кругом повторили:

— Кто знает Херонимо Ругера, пусть выступит вперед!

Тут случилось, что маленький Хуан, испуганный шумом и

смятением, потянулся с рук Хосефы на руки к дону Фернандо. «Вот он — отец!» — завопил тогда какой-то голос; и: «Вот он — Херонимо Ругера!» — второй; и: «Вот они — святотатцы!» — третий; и: «Побейте их камнями! побейте их камнями!» — весь собравшийся в храме Иисуса христианский народ.

Херонимо воскликнул:

— Остановитесь, бесчеловечные люди! Если вы ищете Херонимо Ругера — так вот он! Оставьте этого ни в чем не повинного человека!

Беснующаяся толпа, смущенная заявлением Херонимо, остановилась, озадаченная; несколько рук отпустили дону Фернандо; в это мгновение к ним поспешно приблизился морской офицер высокого ранга и, протеснившись сквозь окружавшую их шумную толпу, спросил:

— Дон Фернандо Ормес! Что случилось с вами?

Тот отвечал, уже совершенно освободившись, с истинно героической находчивостью:

— Да! Посмотрите-ка, дон Алонсо, на этих злодеев! Я бы погиб, если бы этот достойный человек для успокоения разъяренной толпы не выдал себя за Херонимо Ругеру. Будьте добры, арестуйте его вместе с этой молодой дамой, ради их обоюдной безопасности, а вместе с тем и этого негодяя, — добавил он, хватая башмачника Педрильо, — который поднял весь этот бунт.

Башмачник воскликнул:

— Дон Алонсо Онореха! Ответьте по совести, разве эта девица — не Хосефа Астерон?

Так как дон Алонсо, прекрасно знавший Хосефу, медлил с ответом и несколько голосов со вновь вспыхнувшим бешенством завопили: «Это — она! Это — она!» и «Смерть ей!» — то Хосефа, передав на руки дону Фернандо маленького Хуана и маленького Филиппа, которого до сих пор держал Херонимо, сказала:

— Идите, дон Фернандо, спасайте своих обоих детей и предоставьте нас нашей участи!

Дон Фернандо, приняв от нее детей, сказал, что он скорее готов погибнуть, чем допустить, чтобы кому-нибудь из его спутников причинили зло. Выпросив у морского офицера шпагу, он подал Хосефе руку и предложил другой паре следовать за ним. Им действительно удалось выйти из церкви, так как при подобных приготовлениях толпа расступилась перед ними с достаточной почтительностью; и они уже почитали себя спасенными. Но едва ступили они на площадь, также наполненную народом, как из преследовавшей их разъяренной толпы раздался голос: «Это — Херонимо Ругера, граждане, ведь я — его отец!» — и страшный удар дубины поверг его на землю. Шедшая с ним рядом донна Констанца с криком: «Иисус-Мария!» — бросилась к своему зятю, но уже раздался крик: «Монастырская девка», — и удар дубины, нанесенный с другой стороны, поверг на землю рядом с Херонимо и ее, бездыханную.

— Чудовище, — закричал неизвестный, — это ведь донна Констанца Ксарес!

— Зачем они нас обманывали! — отвечал башмачник. — Отыщите настоящую и убейте ее!

Дон Фернандо, увидав труп донны Констанцы, вспылал гневом; он выхватил меч из ножен, взмахнул им и рассек бы пополам фанатика-злодея, вызвавшего все эти зверства, если бы тот не уклонился от удара. Но так как он не мог бы одолеть наступавшей на него толпы, то Хосефа с криком: «Прощайте, дон Фернандо, и будьте благополучны вы и дети! Вот! Убейте же меня, кровожадные тигры!» — бросилась добровольно в толпу, чтобы прекратить побоище. Педрильо ударом дубины свалил ее с ног. Затем, обрызганный ее кровью, завопил: «Пошлите ее ублюдка за ней в преисподнюю!» — и ринулся с еще не утоленной жаждой крови снова вперед. Дон Фернандо, этот богоподобный герой, стоял теперь, прислонившись спиной к церковной стене; левой рукой держал он детей, правой — меч! Каждым ударом он, словно молнией, поражал одного из нападавших; лев не мог бы обороняться лучше. Перед ним уже лежали во прахе семь кровожадных псов; сам вождь сатанинской шайки был ранен. Однако мастер Педрильо не успокоился до тех пор, пока ему не удалось за ноги оторвать у него от груди одного из мальчиков; он взмахнул им высоко над головой и раздробил его об угол одного из церковных пилястров. После этого настала тишина, и все разошлись.

Увидев перед собою своего маленького Хуана, лежащим на земле с раздробленным черепом, из которого вытекал мозг, дон Фернандо с несказанным страданием возвел очи к небу. Морской офицер подошел к нему снова, пытался его утешить и уверял, что глубоко раскаивается в своем бездействии во время этой катастрофы, хотя в данном случае многие обстоятельства могли бы служить ему оправданием; на это дон Фернандо отвечал, что его ни в чем упрекнуть нельзя и он только просит его помочь унести тела убитых. Всех их во мраке наступающей ночи перенесли в дом донна Алонсо, куда последовал за ними и дон Фернандо, орошая обильными слезами лицо маленького Филиппа. Он провел у донна Алонсо и всю ночь

и долго, придумывая разные предлоги, не решался сообщить жене о несчастье во всем его объеме, во-первых, потому, что она была больна, а во-вторых, потому, что не знал, как она отнесется к его поведению во время этого происшествия; но вскоре одна посетительница сообщила ей случайно все, что произошло; и эта прекрасная женщина, выплакав втихомолку свое материнское горе, однажды утром бросилась ему на шею с последней, еще не высохшей слезой, блестящей на ее ресницах, и поцеловала его. Дон Фернандо и донна Эльвира взяли после этого маленького чужака в приемыши, и когда дон Фернандо сравнивал Филиппа с Хуаном и думало том, как он приобрел того и другого, ему почти казалось, что он должен радоваться тому, что случилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЧИЛИ

(Das Erdbeben in Chili)

В основу этой новеллы легло реальное событие — сильнейшее землетрясение в Чили 13 мая 1647 года, разрушившее столицу страны, город Сантьяго.

Новелла появилась вначале в журнале «Morgenblatt f?r gebildete St?nde» («Утренняя газета для образованных сословий», сентябрь, 1807) под названием «Херонимо и Хосефа. Сцена из времен землетрясения в Чили, в 1647 году».

Примечания

1

Вице-король — наместник испанского короля в Чили.

2

Ля-Консепсьон — столица одноименной провинции в центральной части страны.

3

Апсида — алтарная часть церкви.